

Есаков Г.А.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ УГОЛОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ (В СВЯЗИ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

Аннотация: Предметом исследования являются проблемы определения, установления и применения универсальной юрисдикции в российском уголовном праве. Изучаются вопросы становления универсальной юрисдикции в делах Лотус и деле об ордере на арест, рассматриваются ее проблемные вопросы, такие как осуществление производства в отсутствие обвиняемого. Основным предметом в статье являются проблемы универсальной юрисдикции в связи преступлениями террористической направленности. Исследуются возможные направления дальнейшего развития российского уголовного закона в связи с универсальной юрисдикцией, в том числе в аспекте соблюдения норм международного права. Методами исследования являются историко-правовой, сравнительно-правовой, системный. На их основе в статье раскрыто системное место универсальной юрисдикции в российском уголовном праве. Основные выводы проведенного исследования связаны с определением места и значения, а также дальнейших перспектив развития универсальной юрисдикции в российском праве. Определены возможные направления совершенствования уголовного законодательства, выявлены возможные сложности и предложены пути их решения, согласованные с положениями международного права и практикой международных судов.

Ключевые слова: Универсальная юрисдикция, действие уголовного закона, гражданство, террористические преступления, международное право, Международный суд, принцип Лотус, юрисдикция, отсутствие обвиняемого, уголовное право.

Abstract: The subject of this research is the issues of defining, establishing, and applying the universal jurisdiction within Russian criminal law. The author examines the questions of forming a universal jurisdiction in the Lotus and Arrest Warrant cases; its problematic issues such as trial in absence of the defendant are being reviewed. The main subject of the article focuses on the problems of universal jurisdiction due to crimes of terroristic nature. A research is conducted on the possible vectors of future development of the Russian criminal law in the area of universal jurisdiction, including the aspect of adhering to the norms of international law. The main conclusions of the conducted research pertain to the determination of the place, significance, and future prospects for development of the universal jurisdiction within Russian law. The author determines possible directions for improving criminal legislation, reveals possible complications and proposes the ways to solve them in accordance with the positions of international law and practice of international courts.

Keywords: International Court of Justice, international law, terroristic crimes, citizenship, applicability of criminal legislation, universal jurisdiction, Lotus principle, jurisdiction, trial in absentia, criminal law.

Универсальная юрисдикция (или универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве, как её принято называть в российской уголовно-правовой науке) представляет собой значимый инструмент «вынесения» действия национального уголовного закона за пределы территории государства.

В российском уголовном законе об уголовной юрисдикции говорится в ч. 3 ст. 12 УК РФ, в соответствии с которой «иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие

постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу ... в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации».

В анализе этого положения юридически значимы четыре момента. Во-первых, универсальная юрисдикция российского уголовного закона распространяется только на иностранных граждан и постоянно не проживающих в России лиц без гражданства (поскольку в отношении граждан России и постоянно проживающих в ней лиц без гражданства применимы положения ч. 1 ст. 12 УК РФ). Во-вторых, преступление совершается вне пределов Российской Федерации (как они определены в ч. 2–3 ст. 11 УК РФ); в противном случае применима ч. 1 ст. 11 УК РФ. В-третьих, в отношении указанных лиц не должно состояться обвинительного решения суда иностранного государства. И наконец, в-четвёртых, возможность универсальной юрисдикции в этом случае связывается с наличием разрешительной нормы в международном договоре Российской Федерации.

Юрико-технические особенности данной нормы таковы, что позволяют сформулировать несколько критических замечаний.

Так, непояснённым является вопрос о реализации универсальной юрисдикции *in absentia*, т.е. в отсутствие подозреваемого (обвиняемого) лица на территории Российской Федерации [9; 13]. Часть 3 ст. 12 УК РФ говорит о реализации универсальной юрисдикции в отношении лиц, которые «...не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации». Смысл последнего положения не вполне ясен, поскольку допускает двоякое толкование: под привлечением к уголовной ответственности здесь можно понимать как исключительно реальное присутствие подозреваемого (обвиняемого) лица, так и заочное уголовное судопроизводство в отношении лица, не находящегося в России в той мере, в какой таковое допускается российским уголовно-процессуальным законом (ч. 5 ст. 247 УПК РФ). Именно на второй вариант, по-видимому, предположительно указывает п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», говоря, в частности, о возможности судебного процесса *in absentia* в случаях особой общественной опасности преступления или в случаях, когда невозможно осуществить экстрадицию обвиняемого.

Оба варианта толкования могут быть обоснованы с равной долей убедительности, и потому необходимо прояснение законодательства.

Однако более значимо ограничение универсальной юрисдикции только наличием разрешительной нормы в международном договоре Российской Федерации. Исторически возникнув в связи с пиратством, впоследствии будучи связан с теми преступлениями, которые на сегодня представляют собой корпус наказуемых деяний, предусмотренных в главе 34 УК РФ, универсальная юрисдикция закономерно предусматривается рядом международных соглашений в этой сфере. В частности, ст. 49 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, ст. 50 Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил, на море, ст. 129 Женевской конвенции об обращении с военнопленными, ст. 146 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (все – от 12 августа 1949 г.) допускают универсальную юрисдикцию *ad hoc*.

Вместе с тем, в контексте преступлений против мира и безопасности человечества универсальная юрисдикция содержит определённые пробелы. Так, ст. VI Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. не предусматривает универсальной юрисдикции в отношении преступления геноцида. Конвенция об определении агрессии от 4 июля 1933 г. (была ратифицирована СССР в том же году) также не содержит соответствующих положений.

Соответственно, относительно возможности осуществления универсальной юрисдикции на основании обычного международного права уголовный закон, по-видимому, отвечает отрицательно, и это следует оценить критически [12; 15].

С другой стороны, в последние десятилетия возможности осуществления универсальной юрисдикции увеличиваются в ином направлении, выходящем за признанные рамки международных преступлений. Особенно показательно в этом отношении развитие международного права в части пресечения и преследования террористической активности. Так, обязанность установления универсальной юрисдикции на основе принципа *aut dedere aut iudicare* установлена в п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о пресечении

терроризма (ETS № 90) от 27 января 1977 г., п. 4 ст. 6 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г., п. 4 ст. 7 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., п. 4 ст. 9 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г., п. 3 ст. 14 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196) от 16 мая 2005 г., п. 3 ст. 5 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г.

В связи с этой тенденцией возникают по меньшей мере два значимых вопроса.

Первый связан со своеобразным ограничением универсальной юрисдикции международным договором Российской Федерации. Комплекс норм о противодействии терроризму в общем виде закреплён в ст. 205–205⁵ УК РФ, к которым могут также примыкать иные преступления, если они рассматриваются как террористические по смыслу соответствующих международно-правовых документов. Соответственно, это означает, что для осуществления универсальной юрисдикции ещё недостаточно, с одной стороны, наличия нормы в УК РФ и, с другой, того или иного международного договора, а необходимо ещё установить, что объём наказуемых действий, предусмотренных УК РФ, соответствует тому объёму, который предусмотрен в международном договоре и в отношении которого может быть установлена универсальная юрисдикция. Так, ст. 205² УК РФ в части публичного оправдания терроризма едва ли может быть отнесена к тем разновидностям преступных деяний, в отношении которых указанные выше конвенции опускают осуществление универсальной юрисдикции. Сказанное в определённой мере касается и ст. 205⁵ УК РФ, которая является следствием специфичной конструкции российского законодательства, допускающей признание некоторых организаций террористическими и запрет их деятельности.

Второй вопрос связан с самой по себе универсальной юрисдикцией. С учётом общественной опасности террористической активности возможно стремление государства не связывать себя в этой части положениями международного права, а безусловно распространить свою юрисдикцию на все преступления террористической направленности. Так, § 6 УК ФРГ предполагает такую юрисдикцию в отношении некоторых по сути

своей террористических преступлений (хотя § 153с УПК ФРГ допускает отказ от преследования деяний с иностранным элементом в ряде случаев).

То, насколько такое стремление согласуется с международным правом, остаётся открытым для обсуждения вопросом. Ни договорное, ни обычное международное право не дают однозначного ответа относительно того, в каких пределах допустима универсальная юрисдикция. Более того, само по себе предположение о том, является ли универсальная юрисдикция нормой обычного международного права и каково в таком случае её содержание, остаётся предметом дискуссии.

В литературе существует множество неозримых на сегодня точек зрения по вопросу универсальной юрисдикции, однако линия аргументации здесь в основном покоится на опоре как действенный «принцип Лотус» [1], из которого следует допущение универсальной юрисдикции самой по себе; однако её границы и иные частные моменты остаются предметом дискуссии [2; 3; 4; 7; 8; 14]. Следует напомнить, что в деле Лотус Постоянная палата международного правосудия решила, что в отсутствие явной запретительной нормы международного права государство может распространить свою юрисдикцию за пределы своей территории: «Будучи далеко от установления общего запрета в том смысле, который не позволяет государствам распространять применение своих законов и юрисдикции их же судов в отношении лиц, имущества и действий вне их территории, оно (международное право. – Г. Е.) оставляет им в этом отношении широкий простор для усмотрения, который ограничен в определённых случаях только запретительными нормами; что же касается иных ситуаций, то каждое государство остаётся свободным в принятии принципов, которые оно считает наилучшими и наиболее подходящими... При этих обстоятельствах всё, что может требоваться от государства, так это то, что оно не должно переходить границы, которые международное право устанавливает в отношении его юрисдикции; в пределах этих границ его право осуществлять юрисдикцию покоится на его суверенитете» [1, р. 19].

В 2002 г. Международный суд ООН в деле об ордере на арест «не дошёл» до рассмотрения вопроса о международно-правовом статусе универсальной юрисдикции, решив дело в контексте международно-правовых иммунитетов [5].

Однако в нескольких особых мнениях по данному делу вопрос об универсальной юрисдикции был затронут судьями: председатель Суда Гийом счёл её приемлемой только в отношении пиратства или на основе норм международных договоров [5, р. 44]; судья Райнев критически оценил её [5, р. 58]; судьи Хиггинс, Куйманс и Бюргенталь одобрительно отнеслись к ней [5, р. 69–80]; судья ван ден Вингаэрт выступила с наибольшей поддержкой универсальной юрисдикции [5, р. 176–177].

В российской литературе господствующая точка зрения рассматривает универсальный принцип в контексте тяжких международных преступлений как норму обычного международного права [10; 11; 12; 16], однако допустимость универсальной юрисдикции в связи с иными преступлениями также является предметом дискуссии.

По нашему мнению, на сегодня государство предположительно свободно в установлении универсальной юрисдикции в своём национальном законодательстве («принцип Лотус»). Как отмечает Шоу, это скорее вопрос для внутреннего законодательства: «Не существует обязательства

осуществлять юрисдикцию (с учётом приводившихся выше международных соглашений это утверждение требует уточнения. – Г. Е.)... Это – вопрос для решения внутри государства. Важность же... юрисдикционных принципов заключается в том, что они принимаются всеми государствами и международным сообществом как согласующиеся с международным правом. Напротив, попытки осуществлять юрисдикцию по иным основаниям влечёт риск неприятия другим государством» [6, р. 652].

Соответственно, гипотетическое расширение универсальной юрисдикции в российском УК за пределы, признаваемые международным договором, возможно в отношении ряда деяний, вызывающих серьёзную озабоченность мирового сообщества ввиду их опасности (включая террористические преступления, геноцид, агрессию). Это могло бы быть сделано за счёт формулирования исчерпывающего списка преступлений в ч. 3 ст. 12 УК РФ. Желательным ограничением здесь мог бы быть также запрет осуществления такой юрисдикции *in absentia*.

Библиография:

1. Affaire du Lotus, 1927, C.P.J.I. Recueil série A, n° 10.
2. Cassese A. Is the Bell Tolling for Universality? A Plea for a Sensible Notion of Universal Jurisdiction // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1.
3. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. / revised by A. Cassese et al. Oxford, 2013.
4. Kreß C. Universal Jurisdiction over International Crimes and the Insti-tut de Droit international // Journal of International Criminal Justice. 2006. Vol. 4.
5. Mandat d'arrêt du 11 avril 2000 (République démocratique du Congo c. Belgique), C.I.J. Recueil 2002.
6. Shaw M. N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008.
7. Верле Г. Принципы международного уголовного права / пер. с англ. С. В. Саяпина. Одесса; М., 2011.
8. Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов / пер. с фр. 2-е изд., М., 2011.
9. Королев Г. А. Проблемы применения универсальной юрисдикции *in absentia* // Журнал российского права. 2009. № 107
10. Королев Г. А. Универсальная юрисдикция: определение, основания применения // Журнал российского права. 2009. № 3.
11. Ледах И. А. Универсальная юрисдикция как принцип уголовного преследования и наказания в международном гуманитарном и международном уголовном праве // Юрист-международник. 2008. № 2.
12. Рушинова В. Н. Преследование военных преступлений, совершенных в немеждународных конфликтах, на основе универсального принципа юрисдикции // Военно-юридический журнал. 2006. № 5.
13. Рушинова В. Н. Преследование нарушений международного гуманитарного права на основании принципа универсальности // Международное публичное и частное право. 2005. № 6.
14. Сиенхо Ёйи. Универсальная юрисдикция: понятие, теория и практика // Российский юридический журнал. 2012. № 4.
15. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012.
16. Штурма П. Универсальная юрисдикция и наказание за серьёзные нарушения Женевских конвенций 1949 г. // Правоведение. 2010. № 4.

References (transliterated):

1. Affaire du Lotus, 1927, C.P.J.I. Recueil série A, n° 10.
2. Cassese A. Is the Bell Tolling for Universality? A Plea for a Sensible Notion of Universal Jurisdiction // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1.

3. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. / revised by A. Cassese et al. Oxford, 2013.
4. Kreß C. Universal Jurisdiction over International Crimes and the Insti-tut de Droit international // Journal of International Criminal Justice. 2006. Vol. 4.
5. Shaw M. N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008.
6. Verle G. Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnogogo prava / per. s angl. S. V. Sayapina. Odessa; M., 2011.
7. David E. Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov / per. s fr. 2-e izd., M., 2011.
8. Korolev G. A. Problemy primeniya universal'noi yurisdiksii in absentia // Zhurnal rossiiskogo prava. 2009. № 107
9. Korolev G. A. Universal'naya yurisdiksiya: opredelenie, osnovaniya primeniya // Zhurnal rossiiskogo prava. 2009. № 3.
10. Ledyakh I. A. Universal'naya yurisdiksiya kak printsip ugolovnogogo presledovaniya i nakazaniya v mezhdunarodnom gumanitarnom i mezhdunarodnom ugolovnom prave // Yurist-mezhdunarodnik. 2008. № 2.
11. Rusinova V. N. Presledovanie voennykh prestuplenii, sovershennykh v nemezhdunarodnykh konfliktakh, na osnove universal'nogo printsipa yurisdiksii // Voенно-yuridicheskii zhurnal. 2006. № 5.
12. Rusinova V. N. Presledovanie narushenii mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava na osnovanii printsipa universal'nosti // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2005. № 6.
13. Sienkho Iii. Universal'naya yurisdiksiya: ponyatie, teoriya i praktika // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2012. № 4.
14. Shturma P. Universal'naya yurisdiksiya i nakazanie za ser'eznye narusheniya Zhenevskikh konvetsii 1949 g. // Pravovedenie. 2010. № 4.